

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Конкурс «Кровавый расколбас». Рассказ № 16: МОИ ДЕРЕВЕНСКИЕ ХРОНИКИ. ЛЕШИЙ

В тот год моя судьба была щедра как никогда на всякого рода сюрпризы и подарки. Хоть и не думаю, что читателю будут интересны все те роковые подробности моей столичной жизни, приведшие наконец молодую и перспективную девушку в эту чёрную провинциальную дыру, пожирающую не только материю пространства и времени, но и наивные души и чистые сердца. Но вот вам своего рода краткое содержание предыдущих серий.

Окончание университета, получение диплома филолога, странная и ничем необоснованная эйфория по этому поводу. Твёрдое решение расстаться наконец с девственностью, сделал сюрприз и подарить её своему любимому человеку. И как результат: сюрприз удался, но не совсем так, как я планировала — надо было всё таки предварительно позвонить.

И что теперь? А теперь: предательство лучшей подруги, потеря любимого, разбитое сердце, и как следствие, решение покончить со всем этим душевным дисбалансом кардинально и разом. По счастью или по глупому недоразумению, я была настолько ослеплена свалившимся на меня горем, что не стала читать названия лекарств. Как результат — вместо транквилизаторов мой отравленный любовью организм принял убойную дозу слабительного. И весь этот момент моей душевной и внутриутробной слабости, а так же некоторые особо интимные части тела смог созерцать лишь один фаянсовый друг безупречно-белоснежной наружности.

После всех этих метаний и выведения из организма ненужной жидкости, в виде слёз и кой-чего ещё, я потеряла килограмм шесть, и стала отбрасывать едва различимую тень, причём не только в полдень. Видя столь кардинальные оптические изменения, срочно был созван семейный совет. Вердикт родителей на нём был единогласным:

— В деревню к бабке, в глушь, в Са...

* * *

— Однако, где это я нахожусь? — задумчиво произнесла я, с тоской вглядываясь в хвост убегающего от меня поезда.

— Станция Сатанеевка, — услышала хриповатый ответ за спиной. Вздрогнув от неожиданности, оборачиваюсь и вижу перед собой огромного бородатого детину, с высоты своего двухметрового роста нагло рассматривающего мой прикид.

Ну дела! Знакомство с местными аборигенами явно не входило в текущие планы. Робко озираясь по сторонам, понимаю, что на этом зачуханном в дремучих лесах перроне кроме нас двоих разве что шалун-ветер, посвистывает в проводах и шуршит листвой, то и дело норовя задрать повыше подол моего лёгкого летнего сарафанчика. Придерживая непослушную ткань рукой и поскрипывая колёсиками на чемодане, отхожу в сторону, всё ещё надеясь разминуться с этим пахнущим дешевым табаком айсбергом на безопасных курсах. Но это лохматое чудовище в замасленных джинсах даже не тронулось с места, по-прежнему нагло поедая меня глазами. Глядя снизу вверх на эту нависшую надо мной глыбу, с трепетом в коленях и онемевшим от ужаса языком, пытаюсь сказать что-то вразумительное, но из открывшегося рта вырывается лишь слабый писк. По счастью громила опережает мои испуганные мысли, готовые вырваться наружу, и не только в виде слов. Да и мои миленького розового цвета стринги к такому потоку междометий были явно не готовы.

— Я Алексей Степаныч. А ты, я так понимаю, и есть внучка Ягиды Марковны? — спрашивает он, трясая надо мной своей рыжей бородёнкой.

— Угу, — киваю в ответ и добавляю, едва шевеля пересохшим языком, — а где бабуля?

— Я за неё, — отвечает здоровяк, и не давая мне опомниться, берёт чемодан подмышку, и схватив за руку, тащит куда-то за здание станции.

— Эй, — возмущаюсь я такой бесцеремонности, вырываясь из грубых рук. — Что происходит?

— Послушай, детка, — начинает здоровяк свою речь, явно разозлившись на моё сопротивление, — я и так потерял из-за вас с бабулей столько времени. Она просила тебя встретить, я встретил. А теперь быстро в машину, нам ещё пару часов по просёлкам пилить. И не дожидаясь моего согласия, уже ещё более бесцеремонно хватает за талию и зажав подмышкой, словно тот чемодан, быстрым шагом устремляется вниз по тропинке, не обращая никакого внимания на мои повизгивания и дёрганье ногами. В общем, когда голова оказалась ниже пятой точки, мне оставалось лишь смириться со своим положением ручной поклажи, и наслаждаться открывающимися взору видами. Хотя, эту часть пути я в основном наслаждалась видом затянутой в джинсу задницей моего деревенского гида. Гид правда оказался малоразговорчив, и единственную фразу которую я от него услышала это:

— А что у вас там в городе нормальных трусов уже не продают или из-за кризиса совсем на материале экономят? — спросил он с ухмылкой, бросая мою обмякшую тушку на заднее сиденье своего авто.

— Хам, — процедила я сквозь зубы, одёргивая подол платья. — Хам и грубая деревенщина. Я конечно понимала, что учитывая уровень местного сервиса, лимузина ждать не приходилось, но выдавший виды разбитый узик без крыши всё же поразил моё, привыкшее к комфорту, воображение. Кое-как устроившись на потёртом кожаном сидении, я приготовилась к самой худшей в моей жизни поездке. И я не ошиблась. Водитель этого раритетного кабриолета гнал не замечая ям и ухабов. Мне пришлось вцепиться буквально ногтями в остатки обшивки автомобильных кресел, чтобы только не вылететь из них на очередной кочке. Кроме всего прочего, во время этого жуткого аттракциона я сделала потрясающее открытие — у меня таки есть грудь. Эта скромная единичка, которую я никогда не воспринимала всерьёз и редко баловала кружевными бюстиками, выходя на улицу, вдруг зажила своей жизнью и пустилась в пляс, выделявая такие головокружительные кульбиты и па, что казалось ещё немного и на очередном ухабе эти малышки вытянутся настолько, что станут хлестать свою хозяйку по щекам.

На повороте машину тряхнуло вправо-влево, вверх-вниз, и я, не удержавшись, разжала уже сильно затёкшие пальцы. И даже не заметила, как голова оказалась где-то внизу, а ноги беспомощно взвились в воздух.

— Стой, как там тебя, Степаныч! — завопила я что есть силы, пытаюсь перекричать рёв мотора.

Узик остановился. Услышав щелчок открывающейся двери, я поползла на звук, и на четвереньках, выбралась наружу. Но не успела я и слово сказать этому горе-водителю, как рвотные позывы заставили склониться моё шатающееся от головокружения тело над кустиком. Это просился наружу последний атрибут городской жизни, напоминающий мне о цивилизации, съеденный на вокзале хот-дог.

Пока меня выворачивало наизнанку, этот хмурый проводник в тёмное царство деревенской глуши подошёл сзади и придерживая рукой мои растрепавшиеся на ветру волосы, произнёс:

— Какие вы городские нежные.

Такое неожиданное проявление заботы от хамоватого аборигена выглядело бы даже мило, если бы не одно но. Постепенно приходя в себя после безумных скачков по бездорожью, я вдруг отчётливо ощутила своей попой какой-то твёрдый и явно продолговатый предмет, трущийся у меня по промежности. Ах вот значит как он рад моему унижению...

В ужасе отскакиваю в сторону, причём так резко, что небольшой клочок волос так и остаётся у него в ладони. Вскрикнув от боли, хватаю с земли палку, и выставив её вперёд как оружие, возмущённо говорю:

— Ты чего это удумал, маньяк деревенский?

— О чём ты? — удивился тот.

— Изнасиловать меня хочешь?

— Ты что больная? Нужна ты мне...

— А что же у тебя в штанах топорщится? — продолжаю возмущаться, указывая концом палки в направлении рвущейся наружу мужской похоти.

— Что? — лицо деревенского мужичка расплывается в ехидной улыбке. — Это фонарик, дурёха! — и в доказательство своих слов вытаскивает из кармана длинную металлическую шутовину. Её внушительный вид навеивает на меня ещё более подозрительные и грешные мысли. Но щелчок кнопки и это и впрямь оказывается фонарик, а не то, куда меня было повела буйная фантазия. От глупого смущения даже щёки запыхали.

— Ну что, успокоилась? — спрашивает он. — Если да, то быстро в машину, итак столько время потеряли.

— Нет, — хоть этот конфуз и утихомирил мои чувства, но всё же решаю ещё покапризничать перед этим дремучим истуканом. — Долго ещё до дома? — спрашиваю я. — Если по прямой по этой тропке, то полчаса ходу. Но на машине придётся крюк дать.

Так оказывается можно дойти пешком. Желания лезть опять в этот древний костотряс не было никакого.

— Хорошо, я иду пешком, — сказала я решительно, надув губки.

— Не дури, — заворчал рыжий бородач, — скоро стемнеет, садись в машину и поехали. Но меня уже было не отговорить, капризная и упрямая девчонка уже взяла верх над рассудительностью и здравым смыслом.

— Возьми хотя бы фонарик, — крикнул он мне вслед.

— Не бойсь, дядя, буду дома раньше тебя, — лишь побахвалилась я в ответ.

— Чтобы не произошло, главное не сворачивай с тропы, — услышала его последние слова за спиной.

* * *

Чем дальше я углублялась в лес, тем уже была тропа. Мой проводник оказался прав, действительно небо над головой стало стремительно темнеть. К тому же деревья по обе стороны росли плотней, так что не прошло и десяти минут и я уже с трудом различала, что у меня под ногами. Зря я отказалась от фонарика. Попытка подсвечивать себе смартфоном лишь ненадолго внушила мне оптимизм. Вскоре мой любимый гаджет, оставивший хоть слабую, судя по сигналу, но всё же ниточку, связывающую меня с цивилизацией, издал печальный писк умирающего комара и отключился, оставив хозяйку в тоскливом одиночестве перед сгущающейся темнотой.

Какое-то время ещё продвигалась на ощупь, отгоняя от себя мысль, что под ногами уже нет

тропы, и я, судя по тому как часто мои каблуки стали запинаться за кочки, а волосы цепляться за колючие ветки, давно уже бреду наугад. Споткнувшись об очередную корягу, моё уставшее тело не удержалось на ногах и кубарем скатилось в ближайший овраг. К тому же при падении потеряла туфельки. На этом мой оптимизм совсем угас. Я уже хотела прислониться к первой попавшей осине и разрыдаться слезами раскаявшейся грешницы, но тут, наступив босой ногой на что-то странное, услышала треск, и неведомая сила, схватив в жуткой темноте мою щиколотку, потянула вверх. Момент и я уже болтаюсь вниз головой.

* * *

Верёвка туго впилась в ногу, кровь прилила к голове, подол летнего сарафанчика упал вниз, закрыв лицо и окончательно лишив меня ориентации в пространстве. Впрочем и без этого куска ткани я бы ничего не смогла разглядеть в лесных вечерних сумерках. Не знаю сколько времени провисела в таком глупом положении с тошнотворным приступом паники и беспомощного отчаяния, но в какой-то момент мне показалось, что я слышу голоса. Замерев, стала вслушиваться в звуки ночного леса, и вскоре, и впрямь к стрекотанию кузнечиков и кваканью лягушек прибавились потрескивание веток и чей-то ворчливый разговор. Осознав безысходность своего положения, я отогнала страх и робко позвала на помощь. Шаги стали уверенно приближаться в мою сторону, и вскоре, сквозь ткань сарафана, я заметила огоньки от фонариков.

— Ух ты! — услышала я возглас удивления. — Смотри, братуха, какая птица попала в наши силки.

— И впрямь добыча! — свет от фонарей быстро забегал по обнажённому телу, беспомощно висящему на ветке. Мои жалкие попытки его хоть как-то прикрыть были тщетны, я лишь сильнее запуталась в складках своего сарафана.

— Снимите меня, — пропищала я с последней надеждой на порядочность ночных путников.

— Конечно, конечно, птичка, сейчас снимем, — ответили странные прохожие, но вместо того чтобы спустить меня на землю, тут же принялись лапать и тискать своими шершавыми ручищами. Мне оставалось лишь беспомощно дёргаться и жалобно попискивать в ответ. А когда их толстые пальцы полезли под стринги, даже прикусить губу с досады.

— Худа слишком, — услышала я окончательный вердикт этой унижительной процедуры досмотра, — даже не наешься...

Последние слова меня сильно озадачили и напугали, но я решила, что просто ослышалась, поэтому лишь жалобно произнесла:

— Дяденьки, отпустите меня, пожалуйста.

— Слышь, лепечет что-то, — сказал один.

— А давай на лицо посмотрим, — ответил второй.

— Да ну, наверняка уродина.

В тот же миг лезвие ножа шаркнуло по материи и холодная сталь клинка скользнула по моей щеке. Я в ужасе замерла. Мужички быстро расправились с сарафаном и теперь светили в лицо фонариком. От его яркого света я жмурилась и отводила взгляд.

— Ну я же говорил уродина, — разочарованно произнёс один из них.

Мои глаза наконец привыкли к свету и я смогла разглядеть своих мучителей. Глазах пытаюсь ухватиться за последнюю, проплывающую мимо, соломинку, — какой смысл вам меня есть, вы даже вкуса не распробуете, я же худая, кожа да кости.

— Ничего, мы и кости сгрызём, — рычит старший, прищуривая свой левый глаз, словно

прицеливаясь в какую дырку засадить свой берёзовый кол.

— Но так не честно, — кричу я из последних сил, чувствуя задницей приближение его заострённого конца. Получается очень громко. Так, что Малой бросает выворачивать своими грубыми клешнями мой зад наизнанку, и прикрывает ими свои уши.

— Ведьмины сопли, — ругается он. — Верещит как баба.

— Идиот! — стучает его колом по затылку старший. — Да она и есть баба.

— Ну и что ты предлагаешь? — спрашивают меня слегка опешившие братья-мутанты.

Ого! Жалкая соломинка в моих руках уже готова превратиться в надёжное бревно. Было бы грех этим не воспользоваться, особенно когда на кону моя жизнь.

— Может было бы лучше, — лихорадочно пытаюсь подобрать нужные слова, — если бы я досталась кому-то одному. Он бы меня съел, — о, боже, что я несу, — а потом бы рассказал другому какая я на вкус.

— А девчонка дело говорит, — соглашаются братья, почесав свою плешивую репу, — на двоих нам её мало. Но кто же из нас её съест.

— Конечно я, — молвил старший, — я жрать хочу.

— А почему это ты? — возмущается Малой. — Я тоже жрать хочу.

— Мальчишки, не ссоримся, — вмешиваюсь я в разговор. — Съесть безусловно должен самый достойный из вас. Вот кто из вас самый умный? — судя по тупому выражению их физиономий, вопрос был сугубо риторический, но тем не менее, старший снова отозвался:

— Тогда я.

— И почему это ты? — обиделся молодой. — Я не тупей тебя.

— Ну или кто из вас самый сильный? — робко подливаю я масло в огонь, видя какой злобой заблестели их глаза.

— Это уж точно я! — обрадовался молодой.

— Молчи уж, дубина необтёсанная, — получает он тут же звонкую оплеуху от старшего.

— Что? — вопит Малой, держась за ухо, и тут же даёт сдачи своему старшему брату.

— Бей его, бей! — исподтишка подхлёстываю его боевой азарт. — Он вечно тобой командует. Но мои слова похоже уже были итак лишними. Лесные братишки схватившись железной хваткой друг в друга, с диким воплем взбесившегося зверя, уже катались по земле, прямо по головешкам раскиданного костра, отчего их шерсть на груди и мешковатые штаны на ногах тлели и вспыхивали странным зеленоватым огнём. И эти всполохи придавали этим обезумевшим свиномордам с кровавыми соплями из ноздрей ещё более устрашающий вид. Воспользовавшись суматохой, я решила отползти на безопасное расстояние, изредка оглядываясь назад, всматриваясь в эту полуночную битву титанов. Когда в последний раз я бросила взгляд в сторону побоища, на чудовищах уже догорали штаны. И из-под этой тлеющей рванины вывалились их огромные, жуткого вида причиндалы.

— Ого! — удивилась я. — Да у них эрекция.

Связанные за спиной руки страшно мешали. Я пыталась облокотиться ими, чтобы привстать, но ветка подо мной треснула и моё тело полетело в какую-то тёмную яму. Последнее что увидела — это сверкающие вверху пятки задранных ног. Но в тот же миг, чьи-то сильные руки подхватили меня. Я бы завизжала в испуге, если бы в следующее мгновение не ударила затылком о камень и не отключилась.

* * *

Тепло чьих-то заботливых рук, запах мужской потной сорочки с примесью табака и бензина,

и лёгкое покачивание из стороны в сторону, словно я в лодке плывущей по волнам — вот первые ассоциации, вырисовывающиеся в моём сознании. Никогда не думала, что всё это будет так приятно-успокаивающе действовать на мою душу. Алексей нёс меня на руках, бережно укутав в свою рубашку. Хоть я уже и пришла в себя, но подавать признаки жизни не хотелось, поэтому уткнувшись носом в его плечо, просто тихо посапывала, наблюдая прищуренными глазками за раскачивающейся рыжей бородой.

Лес вдруг закончился и мы оказались на залитой лунным светом опушке. И в бледных лучах этого ночного светила мне наконец-то удалось разглядеть глаза моего деревенского рыцаря. И почему при первой встрече показалось, что он старик. Вовсе нет, его глаза горели юношеским озорством, разве что лишь с лёгким налётом грусти. Видимо всё дело в его бороде. Эта рыжая копна волос на подбородке смущала и отвлекала от истинного возраста её обладателя. Эх, как бы мне хотелось в тот момент сбрить эту нелепую поросль мужской небрежности, чтобы увидеть его лицо, чтобы разглядеть очертания его губ, так жаждущих моего поцелуя...

Что же это со мной? С чего вдруг такие крамольные мысли в моей голове? Откуда эта страсть к человеку, которого вижу лишь второй раз на дню? Может это амурные флюиды того романтического фонаря на небосводе, что завис сейчас над нашими головами?

— Очнулась, моя девочка? — приятный тембр голоса с лёгкой хрипотцой отвлёк меня от раздумий.

Смутившись, я вдруг поняла, что уже не лежу у своего спасителя на плече, а подняв голову, тянусь к его лицу, и мои губки сами непроизвольно сложились трубочкой в ожидании поцелуя. Боже, какой стыд! Отвожу взгляд и тихонько бью себя ладошкой по губам.

— Что же ты, дурёха, я же говорил, чтобы ты не сворачивала с тропы, — голос Алексея начинал нервно дрожать. — Да и я ещё тот дурак. Зачем отпустил тебя одну? Если бы с тобой что-то случилось, бабуля бы меня живьём съела...

При словах «живьём съела» у меня начался нервный мандраж, и события этой безумной ночи снова всплыли перед глазами. Парень тихо опустился на землю, аккуратно пристроив дорожную ношу у себя на коленках.

— Ну что ты, что ты, девочка, — успокаивал он мои судороги, нежно обнимая и прижимая к себе. — С тобой же ничего не случилось? Эти чудовища не успели причинить тебе вред?

— Кто это? Кто это был? Что это за странные люди? — жаловалась я всхлипывая носом.

— Это не люди. Это гоблины, — ответил Алексей вполне серьёзно. Ещё вчера я бы сочла такие разговоры за бред, но сейчас...

— И вот такие страшные существа водятся в ваших лесах? — лишь удивилась я.

— Да нет, это не местные. Где-то неподалёку снова открылся портал в их мир, вот они и шастают как у себя дома.

— Снова? — переспросила я. — И как часто это случается?

— Давно уже не было. Но богата местная земля на аномалии. Тебе лучше с бабулей поговорить, она об этом больше знает... Ох, и чувствую достанется мне от неё за твои синяки и ссадины.

Но я быстро успокаивалась в его крепких, и казалось, в таких надёжных объятиях, что и думать забыла обо всех этих ушибах. Лишь припухшая щиколотка напоминала о себе ноющей болью.

— Слушай, — Алексей вдруг отстранил меня от себя, — а тебя и впрямь Васькой кличут.

— Василисой, — поправила я.

— Я и говорю Васькой, как бабкиного кота.

— Дурак! — обидчиво стукнула я его кулачком, но он лишь рассмеялся в ответ и добавил:

— Да ладно, я пока тебя на руках из лесу вытаскивал, ты мурлыкала и сопела как котёнок. Я снова стукнула его кулачком по груди. Хотела ещё раз, но Алексей опередил меня, схватив за запястье. И мы устроили небольшую возню прямо на траве под звёздами. Я даже и не заметила в какой момент безразмерная рубаша парня соскользнула с моих худеньких плеч и наши разгоряченные обнажённые тела соприкоснулись. Рыжая борода щекотала мне шею, щёки чувствовали его тёплое дыхание, а наши губы уже были в такой опасной близости, что казалось ещё мгновения и они сольются в страстном поцелуе. Но тут меня пробрало на смешок.

— Что? — удивлённо спросил Алексей, отстранившись.

— Прости, но опять твой фонарик давит мне на живот, — с улыбкой ответила я, и изловчившись, дотянулась и ухватила этот продолговатый гаджет прямо через брючину. Парень замер от неожиданности, и в тот же миг мне на глаза попался фонарик, мирно лежащий в траве неподалёку.

— Ой! — в смущении отёрнула я руку.

Но какого же было моё удивление, когда в глазах Алексея я заметила ещё большее смущение. Кто бы мог подумать, что у этого двухметрового детины с густой копной щетины на подбородке, щёки заливаются румянцем, как у вчерашнего школьника. Это было так нелепо и мило одновременно, что мне захотелось его приободрить. Я снова протянула руку вниз и нежно погладила ладошкой этот выпирающий бугор на брюках. Затем, в порыве страсти и не совсем здорового любопытства, я расстегнула молнию и извлекла этого красавца на волю...

Ну как я могла перепутать это прекрасное творение живой плоти с каким-то бездушным фонариком. Даже в призрачно-бледном лунном свете я смогла оценить изящество его форм. Он пульсировал вздувшимися венками у меня в ладошке, которой с трудом хватало, чтобы его обхватить, и так и рвался оказаться в моём ротике. Я не стало противиться этому природному зову, и ухватившись за дрожащий в ожидании ласк член, стянула кожу с его головки и лизнула язычком обнажившуюся щёлку. И в тот же миг почувствовала, как по телу парня пробежала лёгкая судорога. Ободрённая такой реакцией, я погрузила всю головку себе в рот и стала мягко посасывать. Но как я не старалась, при всём моём желании я не могла взять его на полную длину. Поэтому, не выпуская сладкую добычу изо рта, я пристроилась сбоку, легла щекой на его живот, и продолжила ласки, помогая руками дотянуться туда, куда не могли достать мои губы и язык.

Алексей стонал, дрожал в ответ, и гладил меня по спине, опуская руку всё ниже и ниже, пока не добрался до попки. Пробежавшись пальчиком по её расщелине, он устремился к моей, уже изрядно мокрой от возбуждения киске. Я уже была так напряжена от томительного ожидания разрядки, что как только он коснулся набухшей горошинки клитора, моё истощённое тельце забило в непрекращающихся судорогах. Выпустив изо рта мужскую плоть, я отдалась на волю чувств и громко закричала, спугнув стаю мирно спящих птиц на деревьях. И к моим сладостным воплям прибавился ещё и их галдёж, раскатистым эхом переполошивший всю округу.

Вдруг Алексей резко отёрнул палец от киски, и перевернув меня на спину, о чём-то спросил. Но из-за птичьего переполоха и из-за пульсирующего шума в ушах я сначала ничего не

поняла.

— Ты девственница? — переспросил он.

— Да, Лёш, — ответила я, хоть и не могла взять в толк, какое это имеет сейчас значение. Но чтобы успокоить парня, добавила: — Будь моим первым.

— Нет, — такого ответа я никак не ожидала услышать.

Алексей резко вскочил и стал одеваться. И это всё подействовало на меня как ведро ледящей воды на голову. В висках застучала кровь, грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Было такое чувство, что я снова оказалась на пороге той спальни, где мой жених и лучшая подруга меня жестоко предавали. От стыда и смущения хотелось провалиться. Я словно почувствовала себя голой и незащищённой. Да, Господи, я и была в тот момент голой. Руки сами собой потянулись за брошенной в траве рубашкой. Но подтащив её к себе, я застыла в нерешительности. Он неё пахло мужчиной. И хоть всего несколько минут назад я сходила с ума от восторга вдыхая этот природный аромат, то сейчас от него у меня наворачивались слёзы обиды и горечи.

— Ты не понимаешь, — произнёс Алексей с таинственной дрожью в голосе, — существует легенда, что только чистая дева с именем ловкого зверя может остановить весь тот кошмар, который веками творится в здешних местах.

Я действительно ничего не понимала. Лишь сидела на земле, хлопала полными от слёз глазами, и пыталась прикрыть ладошками свои маленькие груди. Алексей взглянул сверху на этого испуганного котёнка с глупым именем Вася и решительно сказал:

— Нам нужно срочно к бабуле...

* * *